

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ
И ВОСТОКОВЕДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Сочетаемость языковых единиц
и языковые модели.
Памяти З. М. Шаляпиной (1946–2020)

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 81
П78

Ответственный редактор

А. И. Коган

Редактор-составитель

А. С. Панина

Рецензенты:

С. А. Бурлак, И. Б. Иткин

*Утверждено к печати Издательской комиссией
Ученого совета Института востоковедения РАН*

П78 **Проблемы** общей и востоковедной лингвистики. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946-2020) : сб. ст. / отв. ред. А. И. Коган, ред.-сост. А. С. Панина; Ин-т востоковедения РАН – М.: ИВ РАН, 2021. – 321 с.

Studies in General and Oriental Linguistics. Language models, combinability and grammar. In memory of Z. Shalyapina (1946-2020) / Ed. by A. Kogan. – Moscow: IOS RAS, 2021. – 321 p.

ISBN 978-5-907543-08-9

DOI: 10.31696/978-5-907543-08-9

Сборник основан на материалах конференции «Востоковедные чтения 2021. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З.М. Шаляпиной (1946-2020)» (Институт востоковедения РАН, 14-15.04.2021) и охватывает широкий круг тем, включая проблему слова, морфологические и синтаксические модели, фразеологию и лексическую семантику.

The volume is based on the proceedings of the conference on the languages of Asia and Africa held at the Institute of Oriental Studies on 14-15.04.2021, dedicated to the memory of Z. Shalyapina (1946-2020). Discussing various languages of Asia and Africa, it covers a broad range of topics from definition of word, morphological and syntactic word classes to phraseology lexical semantics.

**Феномен японских заимствований в китайском языке:
проблемы упорядочения терминологии**

Елена Николаевна Емельченкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ekolpachkova@gmail.com

Аннотация. В китайском языке лексические единицы, заимствованные из японского или через японский, где они были записаны иероглификой, представляют собой отдельный лексический пласт, отличаясь от заимствований из других языков. Фокусируясь на анализе этой достаточно гетерогенной лексики и сформировавшегося вокруг нее терминологического аппарата, автор рассуждает о необходимости пересмотра русскоязычной синологической терминологии в этой области с опорой на имеющиеся в науке классификации заимствований и учетом достижений современной лексикологии.

Ключевые слова: японские заимствования в китайском языке; обратные заимствования; вторичные заимствования; графические заимствования; лексическая деархаизация; лексикология китайского языка

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта JTI 2019: A Study of Japanese borrowings in the Chinese language in the Meiji era. Автор выражает свою благодарность prof. Mareshi Saito (University of Tokyo, Japan) и И.С. Ибрахим (СПбГУ) за помощь в организации сбора материала, а также А.В. Костыркину и К.И. Демичу (ИВ РАН, Москва) за ценные комментарии при обсуждении материалов исследования.

Abstract. In Chinese, lexical units borrowed from/ through Japanese, where they were written in characters, form a specific lexical layer, differing from other languages loanwords. Focusing on the analysis of this rather heterogeneous vocabulary and the terminological apparatus, the author discusses the need to revise the Russian-language terminology in this area and rely on the classification of Japanese borrowings, as well as taking into account the recent achievements of modern lexicology.

Keywords: Japanese loanwords in Chinese; Japanese borrowings; japanism; reborrowing; returning loanwords; secondary borrowing; graphic loanwords; dearchaizing vocabulary; Chinese lexicology

Acknowledgments: the work was supported by JTI, grant JTI 2019: A Study of Japanese borrowings in the Chinese language in the Meiji era. The author is grateful to prof. M. Saito (University of Tokyo, Japan) и I. Ibrahim (Saint-Petersburg university) for their help with data collection, and to A.Kostyrkin and K.Demich (Institute of Oriental studies, Moscow) for valuable discussion.

Терминологический аппарат, который имеется сегодня в синологии применительно к заимствованиям в китайский язык из японского, формировался на протяжении XX в., когда изучение этого пласта лексики не отличалось системностью,

глубиной или широтой охвата, что однако присуще не только отечественной науке, аналогичная ситуация наблюдалась в китаеведении многих стран. На современном этапе, когда на глазах стало усиливаться взаимодействие между двумя соседствующими языками – китайским и японским, объединяемыми еще и типом используемой письменности, и ощущается всплеск интереса к исследованию активизировавшихся теперь уже на рубеже XX–XXI вв. процессов заимствования лексики, встала проблема ревизии сложившейся в российской синологии терминологии и упорядочения понятийного аппарата, используемого востоковедами для описания лексического влияния японского языка на китайский.

Языковые контакты часто сопровождаются развитием способности языка выступать источником при переходе лексической единицы из него в какой-то другой язык с последующим его «приспособлением» к новым условиям функционирования в языке-реципиенте. При прямом лексическом заимствовании сохраняется материальная сторона языкового знака, который начинает жить по законам принявшей его новой системы. Пример подобного заимствования представляет русское слово *суфле*, заимствованное из французского языка, где оно представлено как *soufflé*. Поскольку заимствоваться может не только форма, но и содержание, в отечественной лингвистике существует две трактовки понятия «заимствование»: в узком понимании учитывается только факт перехода материального экспонента (плана выражения) иноязычного языкового знака, при таком подходе за рамки заимствований выводятся кальки, возникающие при оформлении заимствуемого из языка-донора элемента средствами языка-реципиента. В широком понимании термина, когда учитывается план содержания иноязычного элемента, калькирование также будет относиться к одному из типов заимствований.

Именно такой подход был закреплен в традиционном определении этого феномена как «образовании нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода» [ЛЭС: 211]. Для целей настоящего исследования важно, что при таком подходе заимствуемый иноязычный элемент получает выражение средствами языка-реципиента, в качестве которых могут выступать как исконные, так и ранее заимствованные, но уже полностью освоенные элементы. Китай и Япония относятся к странам так называемого «иероглифического клуба», члены которого используют иероглифическую систему письма. Если до второй половины XIX в. языковое влияние носило преимущественно односторонний характер и шло из Китая в Японию, включая заимствование письменности, то на рубеже XIX – XX вв. вектор движения сменился на обратный. Связано это было с политической, экономической и социальной ситуацией в обеих странах. Долго находившийся в самоизоляции Китай отстал в своем социально-экономическом и научно-техническом развитии, тогда как Япония в эпоху Мэйдзи (明治時代 1868–1912) сделала серьезный рывок вперед, главным образом за счет целенаправленной политики привлечения с Запада передовых технологий, а также модернизации политической и экономической систем страны. Эти процессы имели своим следствием активное пополнение словаря японского языка неологизмами, из которого, в свою очередь, за счет оформления новых лексических единиц в иероглифике началось их дальнейшее распространение в соседних языках по всему дальневосточному ареалу.

Изменения в словарном фонде японского языка оказались столь кардинальными, что в лингвистической науке об этих процессах стали говорить как о «лексической революции Мэйдзи» [Маевский 2005: 248]. И хотя в середине XX в. китайские ученые не признавали довольно значительный по объему пласт неологизмов, попавший через японский язык в китайский в качестве заимствований, ссылаясь на то, что слова, созданные из элементов китайского языка по китайским словообразовательным моделям, таковыми считаться не могут [Ван 1958], в конце XX в. китайская лингвистика от этой позиции отошла. И, как представляется, применительно к процессам иноязычных заимствований, имевшим место на рубеже XIX–XX вв. в Китае, можно говорить о «лексической революции» и в китайском языке.

Начавшиеся в первой половине XIX в., еще до начала «реставрации Мэйдзи», и занявшие несколько десятилетий процессы обновления представляли собой словотворчество отдельных языковых личностей, за которым следовал длительный процесс «вживания» неологизма в ткань языка. Вестернизация японской лексической подсистемы в тот период шла как синоцентрический по форме процесс, поскольку иностранные понятия облекались в форму *канго* 漢語 ‘китайские слова; китаизмы’ как новые языковые единицы, составленные из элементов китайского происхождения и отражаемые на письме иероглифическими знаками. Это отличает ход освоения иноязычных слов периода Мэйдзи от заимствований ксенолексики в японский язык на современном этапе, когда пополнение словарного фонда идет в значительной мере за счет *гайрайго* 外来語 ‘иностранные слова’ [Маевский 2005: 247].

Прежде всего бросается в глаза резкий количественный скачок неологизмов в эпоху Мэйдзи на фоне постепенного и поэтому не столь заметного прироста *канго* до середины XIX в. Словотворчество в анализируемый период, помимо массовости, характеризовалось рядом специфических черт, главная из которых состояла в том, что новые лексические единицы создавались целенаправленно в иероглифической форме, ранее доступной лишь образованным слоям японского общества. Это придавало новым словам тот книжно-ученый пафос, который всегда был в почете у интеллектуалов, воспитанных в духе конфуцианства, и ксенолексики, облеченная в иероглифику, воспринималась как более изысканная, престижная и высокоинтеллектуальная.

Подобный путь пополнения терминологического аппарата, призванного обслуживать модернизацию Японии, был аналогичен тем процессам, которые имели место в западных странах, в которых формирование новой узкоспециальной лексики в какой-либо терминологически слабо освоенной области науки и техники часто идет за счет материала латинского и древнегреческого языка (путем сочетания корневых и/или присоединения аффиксальных морфем), а не использования лексики живых языков. Цель у словотворцев в обоих случаях совпадала – придать особый статус вновь создаваемым терминам как важным элементам языка науки.

В японоведении с целью размежевания *канго* домэйдзийского периода и тех неологизмов, что были созданы во второй половине XIX в., последние стали называть *синканго* – 新漢語 ‘новые канго; новые китайские слова’. Эти ранее отсутствовавшие в ходу лексические единицы, возникнув в прогрессивной студенческой

кой среде, с взрослением и карьерным ростом соответствующих носителей японского языка постепенно вошли в язык государственных чиновников, а затем расширили сферу бытования и до всего языкового сообщества Японии, включая тех, кто не мог позволить себе получение образования в принципе. В результате такое студенческое поветрие, как мода на *канго* со временем привело к признанию этих единиц стандартом японского языка, вплоть до приписывания им статуса более приоритетных, чем исконно японские слова [Аракава 2018: 43].

Мэйдзийские неологизмы (в терминологии Е. В. Маевского), будучи «изобретаемыми» *ad hoc* при переводе западной литературы в традиционно китайской иероглифической форме из подручных средств языка, могли какое-то время существовать в нескольких синонимичных вариантах. Со временем «неудачные, нетерминологичные, дезориентирующие, требующие от читателя такого радикального переосмысления привычных слов, к которому он не готов и о необходимости которого даже не догадывается» [Маевский 2005: 249], отбрасывались или уходили на лексическую периферию. Поскольку западная литература переводилась на китайский язык и напрямую с европейских языков, какое-то время (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) конкурировать могли сразу несколько вариантов перевода, предложить которые могли как китайские, так и японские ученые.

Сам процесс появления новых слов в лексической подсистеме языка носил творческий характер, при выборе переводных эквивалентов зачастую сами переводчики прибегали к разным переводным эквивалентам и несовпадающему набору иероглифических знаков для фиксации ранее не имевшегося в языке термина. При семантическом калькировании лексическая единица языка-реципиента получает новое, прежде не присущее ей значение по аналогии с иноязычным элементом в языке-доноре. При этом выбор средств фиксации соответствующего значения осуществляется не произвольно, а на основании определенных ассоциаций, возникающих у переводчика в связи с исходной лексической единицей и тем элементом, который он предлагает в качестве переводного эквивалента. Субъективность восприятия иноязычных единиц приводила к появлению целого ряда вариантов перевода. Так, известен пример подобных «словообразовательных метаний» видного японского философа, переводчика и просветителя Ниси Аманэ (西周), который для обозначения европейской философии наряду с транскрипцией *хиросохи* ヒロソヒ в разные периоды предлагал как минимум четыре иероглифических варианта термина – *ригаку* 理学, *рирон* 理論, *китэцугаку* 希哲学 и *тэцугаку* 哲学 [Демич, Костыркин 2020].

В отличие от современных заимствований, добрую долю которых составляют стилистически маркированные коллоквиализмы и отдельные группы узкоспециальной лексики, в том числе и арготическая лексика, словообразовательные процессы второй половины XIX – начала XX вв. завершились появлением слов, большинство которых мы сегодня относим к основному словарному фонду и сочли бы устойчиво актуальной, общей лексикой в любом языке мира. Значительная часть неологизмов того периода была призвана обслуживать процессы модернизации страны и возникла в ходе дальнейшего развития промышленной революции, пополнив словарь значительным количеством ранее не представленных лексических единиц, называющих новые реалии того времени, типа 自転車 ‘велосипед’, 政府 ‘правительство’, 電話 ‘телефон’, 消毒 ‘дезинфицировать’ и т.п.

Классификация японских заимствований в китайском языке

Сформировавшийся в японском языке пласт лексики, отражавший процесс рецепции понятий западной культуры, науки и техники, через прогрессивных китайских студентов, обучавшихся в то время в Японии, постепенно проник и в китайский язык. Этот пласт был довольно гетерогенен и включал лексику практически всех областей жизни человека, не ограничиваясь научно-технической терминологией. Первую типологию заимствований в китайский язык предложили в 1958 г. Гао Минкай и Лю Чжэнтань [Гао, Лю 1958]. Начиная с этого момента последующие исследователи этого явления в китайском языке расходились как в общем числе типов заимствований, так и в подходах к их трактовке, связано это было со серьезными расхождениями в определении критериев классификации и значительной семантической размытостью самих заимствований.

Опишем типы языковых единиц, которые, как представляется, включает пласт японских заимствований в китайском языке.

Прежде всего, выделяются «чистые японизмы», описывающие элементы традиционной японской культуры. При отсутствии лексического эквивалента для реалии, когда не имеется более или менее полных соответствий в языке-реципиенте, имеет место прямое лексическое заимствование имеющейся в исходном языке единицы с фиксацией ее в иероглифической форме: 寿司 *shòusī* ‘суши’; 和服 *héfú* ‘кимоно’; 武士道 *wǔshìdào* ‘«путь воина», кодекс самурая’; 柔道 *róudào* ‘дзюдо, вид японского боевого искусства’; 盆栽 *pénzāi* ‘บอนсай, миниатюрное растение, выращенное на подносе’.

Среди «чистых японизмов» имеется незначительное число прямых лексических заимствований, так, для традиционного мата из тростника был использован вариант записи 榻榻米 *tàtāmǐ* ‘татами’ с фиксацией оригинальной звуковой формы иноязычного элемента. Чаще всего этим способом заимствуются имена собственные, например, названия известных компаний: 夏普 *Xiàpǔ* ‘Sharp’, 雅马哈 *Yǎmǎhā* ‘Yamaha’, по частотности превышающий калькированный вариант 山叶 *Shānyè*, и др.

Японизмы, записываемые в иероглифике, заимствовались в исходном виде, но произносились уже по нормам китайского языка. В китайской лингвистике для этого типа единиц использовался термин 日語漢讀 *Rìyǔ Hàndú* ‘японские слова, читаемые по-китайски’; в отечественной синологии В. И. Горелов для них ввел в научный оборот термин «японизм» [Горелов 1984:147].

Огромный пласт неологизмов был заимствован в китайский из европейских языков через язык модернизированной Японии, выступивший в данном случае языком-посредником. В тот период на японский переводилось огромное количество западной научной литературы, в результате чего в язык вошло множество новейших терминов практически из всех областей знания, включая весь цикл точных и гуманитарных наук, военное дело, медицину и, конечно, новые реалии быта. Поскольку для записи новых терминов в японском языке использовалась иероглифика, идентичная форма фиксации неологизма упростила и ускорила дальнейшую рецепцию соответствующего иноязычного элемента китайским языком. Эти слова оказались формально неотличимы от исконно китайской лексики.

Кроме того, признаком калькирования принято считать наличие нехарактерных, нетипичных для языка-реципиента черт в формальной стороне вновь созда-

ваемого слова, когда при конструировании новой лексической единицы используются не только иноязычные структурные элементы, но и «чужеродная» для языка-реципиента словообразовательная модель. В период Мэйдзи образование новых слов и выражений в японском шло по словообразовательным моделям китайского языка, для которого, например, типична глагольно-именная модель словообразования, отражающая закрепившуюся на уровне структуры слова SVO тенденцию в базовом порядке элементов в предложении, которая не совпадает с базовым SOV порядком в японском [Кульнева 2018:26]. К этому типу относятся слова: 復員 *fùyuán* ‘демобилизация’, 任命 *rènmìng* ‘назначить на должность’, 自由 *zìyóu* ‘свобода’, 風琴 *fēngqín* ‘орган’, 商標 *shāngbiāo* ‘торговая марка’, 反感 *fǎngǎn* ‘неприязнь, антипатия’ и др.

Этот тип единиц создавался с целью перевода иностранных терминов путем комбинирования уже имевшихся в языке элементов как структурные и этимологические кальки соответствующих слов английского, реже других европейских (немецкого, французского, итальянского и латинского) языков. Для него в китайской лингвистике предлагался термин 新造借詞 *xīn zào jiècí* ‘вновь созданные заимствования’.

Примерами подобных заимствований из других европейских языков являются: 感性 *gǎnxìng* от (нем.) *Sinnlichkeit* ‘чувствительность’; 悟性 *wùxìng* от (нем.) *Verstand* ‘понимание’; 小夜曲 *xiǎoyèqǔ* от (фр. < итал.) *Serenade* ‘серенада’; 素描 *sùmiáo* от (фр.) *dessin* ‘рисунок, набросок’; 二重奏 *èrchóngzòu* от (итал.) *duetto* ‘дуэт’; 初夜權 *chūyè quán* от (лат.) *jus primae noctis* ‘право первой ночи’.

В этом типе обнаруживается небольшое число фонетических заимствований с разной степенью звукового соответствия исходному элементу в языке-доноре: для передачи термина ‘антимоний, сурьма’ от (англ.) *antimony*; 瓦斯 *wǎsī* для передачи термина ‘газ’ от (фр.) *gaz*; 加答兒 *jiādá'ér* для передачи термина ‘катар’ через (фр.) *catarrhe* от (др.-греч.) *κατάρρῆϊν*; 基督 *jīdū* для передачи термина ‘Христос, помазанник’ через (лат.) *Christus* от (др.-греч.) *Χριστός*; 沃度 *wòdù* для передачи термина ‘иод’ от (фр.) *Jod*.

Третий тип заимствованных единиц представляет собой результат лексической деархаизации, вернувшей в активное употребление слова или отдельные их элементы (морфемы), когда-то бытовавшие в китайских текстах и получившие в Японии конца XIX – начала XX вв. новую жизнь и иное, ранее не имевшееся значение, в котором они и вернулись обратно в китайский язык. Эти единицы из древне- и среднекитайского языков были использованы носителями японского языка для передачи западных терминов, через который они попали в родной язык уже как семантические неологизмы. Этот тип заимствований в китайской науке получил название 回归借詞 *huíguī jiècí* ‘вернувшиеся заимствования’. Пример подобного возвращения в активное употребление когда-то в той или иной степени устаревших и отодвинутых на периферию лексической подсистемы слов или их частей представляют такие языковые единицы, как:

革命 *gémìng* встречается в тексте «И цзин», в древнекитайском языке имело значение «сменить волю неба», описывая свержение династии. Данная единица

была заимствована японским языком для перевода английского слова *revolution* ‘революция,’ после чего вернулась в язык-источник с измененной семантикой;

悲观 *bēiguān* изначально буддийский термин «смотреть на все живое с состраданием, стремление спастись от горя и избавлять от бед» был выбран для передачи значения *pessimistic* ‘пессимистичный’;

分子 *fēnzǐ* изначально «потомство по внебрачной линии» стало использоваться для перевода термина *molecule* ‘молекула’;

物理 *wùlǐ* изначально «законы вещей» – для передачи *physics* ‘физика’ и др.

Многие памятники древнекитайской письменной традиции стали источниками деархаизованных в эпоху Мэйди лексических единиц. Так, в одних «Исторических записках» Сыма Цяня содержится свыше десятка этимонов, к которым возводят такие мэйдзийские неологизмы, как: 共和 *gònghé* для передачи *republic* ‘республика’; 教授 *jiàoshòu* для передачи *professor* ‘профессор’; 遺傳 *yíyùn* для передачи *heredity* ‘наследственность’; 經費 *jīngfèi* для передачи *expenses* ‘расходы’; 交通 *jiāotōng* для передачи *traffic* ‘дорожное движение’; 市長 *shìzhǎng* для передачи *mayor* ‘мэр, городской глава’; 主義 *zhǔyì* для передачи *principle* ‘принцип’; 侵犯 *qīnfàn* для передачи *violation* ‘нарушение’; 侵略 *qīnlüè* для передачи *invasion* ‘вторжение’; 生產 *shēngchǎn* для передачи *production* ‘производство’; 天主 *tiānzhǔ* для передачи *Deus* ‘Бог’ и др.

Трактат «Мэн-цзы» послужил источником для деархаизованных слов 會計 *kuàijì* для передачи *accounts, book-keeper* ‘бухгалтерия; бухгалтер’, 具体 *jùtǐ* для передачи *concrete* ‘конкретный’, 交際 *jiāoji* для передачи *association, social intercourse* ‘общение, социальные контакты’ и др.

Формирование терминологического аппарата японских заимствований в синологии

Описание ксенолексики – в нашем случае японских заимствований в китайском языке – невозможно без тщательного разграничения смежных понятий, которое, с одной стороны, должно учитывать лингвоспецифические черты соответствующих единиц в системе, с другой стороны, опираться на уже сложившийся в языкознании понятийный и терминологический аппарат. Лексические единицы, пришедшие в китайский язык через японский, длительное время были довольно скудно описаны в отечественной и западной синологии. Основной причиной этого, как уже отмечалось выше, являлся слабый интерес к этой теме со стороны самих носителей языка вообще и китайских лингвистов в частности. В XX в. изучением японских заимствований в родной язык занимались лишь немногие китайские ученые, чем, по-видимому, и можно объяснить крайнюю малочисленность работ по данной проблематике и за пределами Китая.

В отечественной синологии заимствования из японского языка попадали в фокус научного интереса считанное число раз, в частности в работах В. В. Иванова, В. И. Горелова, Н. В. Перфильевой, О. А. Бехтеревой, П. В. Кульневой, Е. Д. Кругловой и некоторых других исследователей, в том числе носителей китайского языка, пишущих по-русски.

В. В. Иванов ввел в научный оборот синологии термин «вторичное заимствование», охарактеризовав пласт японских заимствований следующим образом: «В китайском языке встречается довольно много слов, пришедших из японского языка, но в самом японском языке большинство из них представляет собой не исконно японские слова, а иностранные заимствования. В данном случае имеет место вторичное освоение иноязычной лексики, и поэтому лексические единицы этого рода можно назвать «вторичными заимствованиями» [Иванов 1973: 45].

В. И. Горелов, следуя терминологии В. В. Иванова, применял термин «вторичные заимствования» и к собственно чистым японизмам, и к словам, пришедшим из японского языка, но в самом японском языке представляющим собой не исконно японские слова, а иностранные заимствования. Характеризуя данную лексику, синолог подчеркивал, что «будучи записаны китайскими иероглифами, они по своему внешнему виду, по словообразовательной структуре ничем не отличаются от исконно китайских слов. Их иногда называют 日语汉读 (японские слова, произносимые по-китайски)» [Горелов 1984: 147].

Бытующий в китаеведческой науке термин «обратное заимствование» некоторыми исследователями позиционируется как синонимичный «вторичному заимствованию». Так, О. А. Бехтерева относит его к диахроническому процессу, в ходе которого какой-либо элемент заимствуется другим языком в одну эпоху, а затем возвращается в него уже в другую эпоху из заимствовавшего его когда-то языка [Бехтерева 2016].

Ряд отечественных исследователей следует традиции западной синологии и считает японские заимствования исключительно графическим типом. Так, Н.В. Перфильева и Ху Пэйпэй рассматривают понятие графического заимствования в узком и в широком смысле. В узком понимании графические заимствования в китайском языке – это слова, у которых форма написания (иероглифы) были полностью заимствованы из японского языка. В широком понимании речь идет о сохранении исходной графики заимствованного слова в китайском языке [Перфильева, Ху 2018].

Этот подход занимает основное место в западном китаеведении, где для анализируемого типа единиц предлагались термины – *graphic loans* (графические заимствования) у Ф. Масини (Federico Masini) [Masini 1993], *symbolic loans, emblematic loans* (символьные заимствования) у Э. Кук (Angela Cook) [Cook 2018], и противопоставляются эти единицы фонематическим (*phonemic loans*) и фонетическим (*phonetic loans*) заимствованиям соответственно. Аналогичной позиции придерживается Чэнь Хайцзинь, которая японские заимствования (*japanese loan-words*) относит к графическому (*graphic*) подтипу, противопоставляя их фонематическим (*phonemic*) заимствованиям [Chen 2014: 17].

В Японии процесс калькирования европейской терминологии с использованием *канго* в условиях насущной потребности в номинации того периода принято рассматривать как особый тип заимствований, который Мориока Кэндзи назвал «замещением», поскольку речь шла о вытеснении исходной семантики языковой единицы новым значением. Согласно Мориоке, «на первом этапе большая часть переводных слов зависела от китаизмов канго периода Эдо. Затем постепенно увеличивалось число новых канго, и появилась тенденция к избеганию «замеще-

ния» (цит. по [Демич, Костыркин 2020]). По мнению японоведов, в дальнейшем эту функцию взяло на себя «традиционное и осложненное словообразовательное калькирование» [Демич, Костыркин 2020: 169].

Неустоявшаяся в лексикологии китайского языка терминология имеет следствием серьезные расхождения с тем аппаратом, который сложился в отечественной лексикологической традиции, не вполне совпадает она и с видением данной проблематики у современных китайских исследователей.

Во-первых, материальное заимствование в естественных языках может идти устно, то есть происходить «на слух», зачастую без учета специфики письменной фиксации в языке-источнике, это типично для индоевропейских языков и практически неактуально для анализируемых в данном исследовании языков Дальнего Востока. Материальным будет и заимствование слов в графической форме, когда рецепция идет через письменные тексты, что с учетом графического облика лексической единицы является принципиальным моментом для языков-членов «иероглифического клуба». В китайском языке новые лексические единицы, в эпоху Мэйдзи пришедшие из Японии, осваивались сугубо через письменность: общность систем письма минимизировала потребность в рецепции японских заимствований, которая на современном этапе сводится к замене полных форм иероглифических знаков на упрощенные, когда в ряде случаев могут наблюдаться изменения в написании соответствующих иероглифов, но не их полной замене.

Во-вторых, для материала китайского языка, как и для других естественных языков, представляется релевантным разграничивать прямое (непосредственное) и опосредованное заимствование. По своей траектории заимствование может быть прямым или опосредованным, когда из языка-донора в язык-реципиент слово заимствуется через второй или даже третий языки-посредники. Если учитывать этот фактор, то большая часть заимствований эпохи Мэйдзи будет относиться к опосредованным заимствованиям.

Такой подход обнаруживается у китайских исследователей, в частности Цэнь Цисян (岑麒祥) считает мэйдзийские неологизмы непрямыми заимствованиями (间接外来词 *jiànjiē wàiláicí*) [Цэнь 1990: 3], поскольку здесь имеет место результат опосредованной рецепции лексики из европейских языков, при котором японский язык выступил лишь языком-посредником, но никак не собственно донором. Для заимствований опосредованного типа – из западных языков через японский в китайский – можно говорить о заимствовании из исходного языка-донора путем калькирования и перенимания графической формы в языке-посреднике.

В-третьих, в отечественной лексикологии с подачи Л. П. Крысина термином «вторичное заимствование» принято обозначать лексические единицы, которые появились в языке «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом ..., по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин 2004: 143]. Пример вторичных заимствований в русском языке являют слова *адрес, пилот, паста, винчестер* и многие другие, которые когда-то вошли в словарный фонд извне, были полностью освоены и зафиксированы в лингвистических словарях и справочниках как ксенолексика, а затем оказались заимствованы еще раз, но уже в ином, ранее не известном значении.

Анализируемая лексика китайского языка представляет собой феномен иного типа, поэтому применительно к заимствованиям из японского языка в китайский следует отказаться от неудачного в данном контексте термина «вторичные заимствования». За исключением лексической деархаизации, во всех остальных типах заимствований в языке отсутствуют совпадающие по форме, но отличные по значению лексические единицы, а именно так понимается термин «вторичное заимствование» в отечественной лингвистике XXI в., предполагая неоднократный перенос различных значений на одну и ту же материальную форму, чего не наблюдается у большей части заимствований в анализируемый период. И даже при деархаизации, с учетом того разрыва, который имеется между современным китайским языком и древним (или даже среднекитайским), вряд ли можно сопоставлять эти языковые единицы как существующие в рамках одной лексической подсистемы. Все-таки это слишком далеко разошедшиеся системы.

Более адекватным представляется термин «обратное заимствование», который предполагает ситуацию, когда какое-то слово образуется в данном языке из иноязычных элементов, а затем оно заимствуется обратно в тот язык, из элементов которого была сконструирована единица, или в его современный потомок. Ярким примером обратного заимствования является существительное *шапка* в русском языке, заимствованное опосредованно из французского (через польский и немецкий языки) в значении «головной убор европейского образца» и вернувшееся через несколько столетий во французский язык как *шарка* для обозначения ушанки или зимнего головного убора на меху в русском стиле [Плунгян 2010: 16].

Как представляется, применительно к анализируемому материалу к «обратным заимствованиям» в строгом смысле можно отнести только вышеописанные случаи лексической деархаизации, тогда как калькирование понятий западной науки и техники, которые вошли в китайский язык опосредованно через японский, где они были зафиксированы в иероглифической форме, может считаться «обратным заимствованием» в широком понимании. Использование соответствующей графической оболочки можно рассматривать как процесс графического заимствования, как это принято в западной китаеведческой науке, однако вряд ли уместно в данном случае говорить о «вторичном» или «повторном» заимствовании. Второй тип рассмотренных нами японских заимствований в китайском языке точнее было бы определить как «обратные графические заимствования», поскольку при семантическом калькировании, предполагающем расширение смыслового потенциала уже имеющихся в системе элементов за счет значений, присвоенных/переданных им от их переводных эквивалентов в языке-доноре, наблюдается значительный сдвиг или даже полное несовпадение смыслов между тем, что было, и тем, что стало, часто вызывая у носителей языка когнитивный диссонанс, поскольку знакомые им элементы оказываются в непривычном сочетании или в нетипичном значении.

***

Таким образом, проведенный нами анализ подтверждает необходимость пересмотра имеющейся в отечественном востоковедении терминологии для заимствований из японского языка в китайский. Классификация этих единиц по семанти-

ческому критерию позволяет выделить среди них те типы, которые неправомерно фигурируют в синологической литературе как «вторичные заимствования». Учет накопленного в современной лексикологии понятийного аппарата может помочь в определении заимствований в китайский из европейских языков через японский как опосредованных и реализуемых путем семантического калькирования. При этом только один из выделенных нами типов, а именно лексических единиц, возвращенных к жизни путем лексической деархаизации слов и выражений древне- и среднекитайского языков, будет относиться к «обратным заимствованиям в узком смысле». Оставшийся тип, реализованный за счет типичного для естественных языков механизма расширения семантического потенциала уже имеющихся в системе элементов за счет «чужеродных» значений из другого языка, будет описан как «обратные графические заимствования» с указанием лингвоспецифических черт данного явления в китайском языке.

Литература

1. Аракава Ёсико. Неологизмы эпохи Мэйдзи как зеркало общества // *ЯПОНИЯ: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи. Issues Of Japanology*. 2018. № 7. СПб.: Art-xpress. С. 42–53.
2. Бехтерева О.А. *Японские заимствования в китайском языке: периодизация и адаптация*. Иркутск: ИГЛУ, 2016 .
3. Горелов В.И. *Лексикология китайского языка*. М.: Просвещение, 1984.
4. Демич К.И., Костыркин А.В. Особенности становления современной японской философской терминологии в эпоху Мэйдзи по лексикографическим данным // *Труды Института востоковедения РАН. Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Язык меняющийся: семантические и грамматические изменения в языках Азии и Африки*. № 29. 2020. С. 167–178.
5. Иванов В.В. *Терминология и заимствования в современном китайском языке*. М.: Наука, 1973.
6. Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // *Русский язык сегодня*. №3. М., 2004. С. 143–148.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС)* / В. Н. Ярцева (гл. ред). М.: Советская энциклопедия, 1990.
8. Маевский Е.В. Лексическая «Революция Мэйдзи» // *Актуальные вопросы японского и общего языкознания: памяти И. Ф. Вардуля*. М., 2005. С.245–255.
9. Перфильева Н.В. Различные трактовки заимствования в работах китайских лингвистов // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*, 2012. № 8.
URL <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/8/hu.pdf>. Дата обращения 21.02.2021.
10. Перфильева Н.В., Ху Пэйпэй Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018. №2. С. 287–301.
11. Плуноян В.А. *Почему языки такие разные*. М.: АСТ-пресс книга, 2010.

12. Семенас А.Л. Особенность лексических заимствований в китайском языке // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 48–57.
13. Чжан Кэ. Понимание термина заимствованное слово в русской и китайской лингвистике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 3. С. 724–734.
14. Chen, Haijing *A Study of Japanese Loanwords in Chinese*. University of Oslo: Master's Thesis. 2014. 125 p.
15. Cook, Angela A typology of lexical borrowing in Modern Standard Chinese // *Lingua Sinica*. 2018. Vol. 4, article number 6.
16. Masini, Federico. The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898. // *Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series* № 6. 1993. 295 p.
17. 岑麒祥 《汉语外来语词典》北京商务印书馆. 1990 年. (Цэнь Цисянь *Словарь заимствованных слов в китайском языке*). Пекин: Коммерческая пресса, 1990. 497 с.
18. 高名凯、刘正琰 《现代汉语外来词研究》文字改革出版社. 1958 年. (Гао Минкай, Лю Чжэнтань. *Исследование заимствованных слов в современном китайском языке*). Пекин: Реформа иероглифической письменности, 1958. 189 с.
19. 王力 《漢語史稿》科學出版社, 1958 年. (Ван Ли. *История китайского языка*). Пекин: Наука, 1958. 613 с.